

О СВОЕМ ПРЕБЫВАНИИ НА ВОСТОЧНОМ ФРОНТЕ РАССКАЗЫВАЕТ СОЛДАТ ПОЛЕВОЙ ДИВИЗИИ ЛЮФТВАФФЕ ЙОАХИМ БЕНЦ

На Восточном фронте

Я родился 13 ноября 1922 в Гамбурге. Мое детство, проведенное со старшим братом и двумя сестрами, было счастливым. Я не был полон энтузиазма по отношению к Гитлерюгенду и предпочитал играть в футбол или ходить в кино. Как-то раз к нам домой даже пришли полицейский и [местный] предводитель Гитлерюгенда, чтобы забрать меня, потому что я не явился на сбор.

Йоахим Бенц под Витебском. Весна 1944 года

В ноябре 1940 года я получил призывную повестку. Затем, 2 февраля 1941 года меня направили в *Имперскую Службу Труда (RAD – Reichsarbeitsdienst)*. Базовая военная подготовка проходила в районе городков Kammin/Каммин и Tessin/Тессин (земля Мекленбург), после чего нас отправили в Польшу, в небольшую деревню, расположенную в 50 км к востоку от Варшавы. Она находилась прямо на демаркационной линии [между Германией и Советским Союзом]. Там мы строили склад для бомб и дорогу к нему. В начале июня 1941 года нас перевели в город Луск, в Восточную Пруссию (ныне Элк/Elk, Польша – ВК), где нам выдали оружие – старые французские винтовки – и провели обучение. Поскольку эти винтовки были слишком длинными, 4-й Взвод получил голландские карабины, которые стреляли очень неточно, так как были слишком короткими.

Позднее, в России, мы заменили это бесполезное оружие на русское. Русские карабины напоминали наши винтовки [*Mauser*] 98К, но у них не было предохранителей. Кроме того, каждый взвод получил по русскому пулемету. Они были очень тяжелыми, и мы называли их *граммофонами*, потому что у них был дисковый магазин, горизонтально крепившийся к стволу и вращавшийся.

Сразу же после того, как началась война с Россией, нас перебросили на охрану прифронтового аэродрома к востоку от Вильнюса. После падения Минска нас переместили туда, где нам досталось отличное жилье в большом многоэтажном здании бывшей фабрики по производству военной формы. Мы охраняли захваченный склад [пошивочного] материала и аэродром. Наша часть была подчинена ВВС. На фабрике среди прочих трофеев был материал немецкого производства. Пошивочное производство было оборудовано немецкими швейными машинками *Singer*. На русском аэродроме мы нашли новехонькие, прямо с фабрики, авиамоторы производства *BMW* еще в ящиках. В одной из комнат еще нашелся рояль немецкого производства. Мы стали использовать эту комнату для показа кинофильмов. Еще вспоминается красивейший оперный театр в Минске, который был богато украшен мрамором. На площади Ленина было еще много больших, восхитительно красивых зданий.

Зима в 1941 году пришла очень рано: 6 октября выпал первый снег, а наше снаряжение не годилось для этого климата. В середине декабря нас вывезли обратно в Мекленбург, где за два дня до Рождества нас уволили со службы в *RAD*. Вообще, служить в *RAD* было совсем неплохо. Все мы были примерно одного возраста, и почти все мы знали друг друга со школы, с пребывания в Гитлерюгенде или в спортивных клубах. Однако наши старшие по званию классными парнями не были. Наш командир был гномом, причем не только по росту. Он был невероятно жуликоватым малым и присваивал часть наших рационов. Когда мы раздражали его, он не отдавал нам честь на утреннем построении и говорил, что мы не стоим того, чтобы нас приветствовали именем *Фюрера*...

15 января 1942 года, после четырехнедельного отпуска, мы влились в штабную батарею резервной 62-й Дивизии ПВО в Ольденбурге. Здесь мы встретили почти всех наших старых друзей по *RAD*. После тестирования мы прошли обучение в качестве радистов. Вообще, из меня был плохой связист. До определенной скорости я справлялся, но после этого я не мог различить точки и тире. Человеку необходим хороший музыкальный слух для этого, а у меня его не было. После базового курса нас отправили в Эрфуртскую Школу Связи №5 Люфтваффе. После 8 недель мы сдали экзамен и получили каждый свое назначение. Я был отправлен в Росток на должность радиста батареи зенитных 88-миллиметровок. Мы защищали аэродром завода *Heinkel*, на котором в 1942 году испытывали новый реактивный истребитель.

Несостоявшееся назначение на Средиземноморье

В октябре 1942 года наша часть, 9-й Моторизованный Зенитный Полк, получила назначение в *Африканский Корпус*. Однако в тот момент я был в госпитале с серьезным инфекционным плевритом. После выздоровления и выписки я прибыл в Распределительный Центр ПВО в Розенхайме (Rosenheim), чтобы вернуться в свою часть, которая уже начала сражаться в Африке. Но добрался я только до города Казерта (Casserta), что близ Неаполя в Италии. Позднее я узнал, что мои друзья, оказавшиеся в Северной Африке, оказались в США в качестве военнопленных...

Из-за Сталинграда дела пошли настолько плохо, что Люфтваффе было вынуждено передавать свои наземные дивизии для поддержки армии. Поэтому в конце января 1943 года я был переведен в одну из таких дивизий и из Италии попал в Распределительный Центр Munsterlager в Мюнстере. Новое назначение стало шоком, поскольку я снова отправлялся в Россию.

Нашей дивизией командовал генерал-лейтенант Роберт Писториус (Robert Pistorius). Лично с ним я не был знаком, но, еще раз хочу подчеркнуть, что ни разу не видел ни одного генерала на передовой. Он подписал мое представление к Железному Кресту 2-го класса. Позднее он принял под команду 2-ю и 3-ю дивизии после их слияния в 1944-м и погиб в Витебском котле... Наш полковой командир, полковник Виндеш (Windesch), которого я знал лично, был исключительно храбрым и крепким командиром. Лесник по профессии, он был для нас старшим товарищем и относился к нам по-отечески. Он часто появлялся на линии огня и на передовых пунктах наблюдения. Однажды во время визита на огневую точку он спросил меня, удовлетворены ли мы нашими пищевыми рационами. Я ответил «нет». Он был поражен, узнав, что поскольку я являюсь солдатом возрастом моложе 21 года, мне полагается дополнительный паек. Я сказал ему, что наш командир батареи, по его собственному признанию, раздает эти детские «пайки» всем ребятам. Полковник позаботился о том, чтобы дополнительные пайки раздавали тем, кому было положено. Через короткое время я получил «вознаграждение»: командир моей батареи отправил меня из расположения батарейных пушек на передовые наблюдательные посты.

Передовой наблюдательный пункт немцев к северо-востоку от Витебска

Командиром нашего дивизиона был майор Майеркорт (Meierkort), до войны занимавшийся импортом тропических фруктов в Гамбурге. Мы, солдаты, любили этого храброго командира. Он носил кожаную униформу без знаков различия, поэтому мы звали его *Кожаные Чулки* (вероятно, офицер получил прозвище в честь литературного персонажа по кличке *Кожаный Чулок*, героя романов Джеймса Фенимора Купера, и известного американского фильма под названием *Leather Stocking* (1909) – ВК). Он часто приходил к нам на наши передовые посты и постоянно расспрашивал нас о наших потребностях и заботах. В июне 1944 года он попал в плен к русским и умер от дизентерии в Баку. Интересно то, что о нем говорили, будто у него была русская мать, родился он в Баку и говорил по-русски. Определенно, то, что он оказался в плену в Баку, не было случайным, и я сомневаюсь, что действительно умер там от дизентерии.

За короткий промежуток времени через нас прошло несколько командиров батареи, и, казалось, у всех у них на уме было одно: получить назначение в Германию или Францию как можно быстрее. Первым был лейтенант Зауэр (Sauer). Он командовал нами 5 месяцев, затем был переведен, полагаю, куда-то в направлении родной земли. Я провел рядом с ним несколько недель при штабе батареи, и мы часто играли в шахматы. После того, как я один раз выиграл, он перестал играть со мной. Он был и в самом деле тщеславным человеком. Далее по порядку идет лейтенант Вернер (Werner). Думаю, он был из Гамбурга. Дважды мы играли с ним в футбол на 11-й Батарее. Его тоже куда-то перевели уже вскоре, вероятно, домой. Третьим по счету был лейтенант Лозе (Lohse). Вероятно, он пропал вместе с батареей в июне 1944 года. Едва ли мы вообще видели этих троих господ на передовых наблюдательных постах.

Другими нашими офицерами были 2-й (вероятно, обер-лейтенант – ВК) лейтенант Мюллер (Müller), заместитель командира батареи, и обер-лейтенант Штрайб (Streib) – бывший студент-юрист из Саара. Нашим взводным был оберфельдфебель Херманн (Hermann). Среди нас был рядовой, отец которого был генералом – Герхард Шуберт (Gerhard Schubert), позднее он погиб в бою.

Слабые места нашей техники

Когда мы попали в Распределительный Центр в Мюнстере в начале декабря 1943 года, мы прошли трехнедельный курс позиционирования для артиллеристов. Моей новой частью стала 5-я Батарея 2-го Дивизиона, 3-го Артиллерийского Полка. Меня назначили в отделение управления вычислителем. Командовал отделением ефрейтор Зетц, учитель из Австрии. Предполагалось, что мы будем рассчитывать поправки на погоду и другие факторы четырежды в день, используя логарифмические таблицы. Мы получали данные для расчетов четырежды в день от метеобюро. Наша батарея была вооружена 75-миллиметровыми пушками. Это были трофейные французские пушки времен ПМВ. На стволах была выгравирована дата – 1916. Поскольку наша часть была моторизованной, ствол пушки был установлен на лафет для противотанковой пушки калибра 50-мм. 50-миллиметровки сняли с вооружения на Восточном фронте, так как ее снаряды не могли пробить броню танка Т-34. Мы звали 50-миллиметровки *дверная колотушка*. От их лафетов тоже было не особенно много пользы.

Начало фронтовой жизни

В середине февраля наш состав отправился в Россию. После семидневного путешествия через Восточную Пруссию и Литву, мы добрались до Невеля. Там мы разгрузили эшелон и, очень морозную погоду, тронулись в путь на восток на позиции. Вскоре мы обнаружили, что наша техника никуда не годится. Дороги были гладкими, как стекло (вероятно,

обмерзли – ВК), и наши [гусеничные] тягачи оказались совершенно бесполезными. Траки гусениц скользили по льду. Болты на гусеницах стали отваливаться, и трактора без гусениц пришлось бросать. Наш [колесный] тягач *Lanz*, который, как предполагалось, выручит нас в трудной ситуации, также оказался бесполезным. У него были окованные железом колеса, и он не держался на дороге. Нам пришлось оставить эти новенькие тягачи в придорожных канавах. Только благодаря полноприводному грузовику *Opel*, который отлично проявил себя при любой погоде, мы смогли добраться до места назначения к югу от Великих Лук. Едва мы прибыли на фронт, как наши пушки были установлены на позиции, наведены на цели, и мы открыли огонь. Русские приветствовали наших передовых наблюдателей через мегафоны, говоря следующее: «Вы – полуобученные солдаты Люфтваффе, что прямо из учебки Мюнстерлагер, – мы отстегаем ваши задницы в один момент!» Вот как хорошо был информирован *Иван!*

Наше отделение управления было размещено в здании фермы в нескольких метрах от артиллерийских позиций. После первого залпа осколки стекла от разбитого окна посыпались нам на стол для карт, и командир батареи бросился на пол с криком: «Прямое попадание! Всем укрыться!» Затем мы сообразили, что окно разлетелось из-за вибрации, связанной с отдачей наших собственных пушек. Через несколько дней наша батарея была переброшена на восток от Невеля, в точку километрах в 10 от Усвят. Мы заняли позиции неподалеку от деревни и оставались там полгода.

Сначала мы, части поддержки, были расквартированы в так называемых «финских домиках» - больших, круглых по форме постройках из фанеры. В каждом из них помещалось до 20 человек. Поскольку русские быстро заметили нас, мы вскоре попали под беспокоящий огонь 172-миллиметровой батареи. Осколки снарядов пробивали стены наших хижин, но, слава Богу, никто не пострадал.

Мы называли 172-мм пушки *черными свиньями*, потому что при взрыве их снарядов образовывалось большое облако черного дыма. Еще у русских были 76-миллиметровые пушки, которые мы звали *скрипучей колотушкой* (*традиционное солдатское название у немцев – ratsch bum, английский перевод – creaky bang – ВК*). Из-за высокой начальной скорости снаряда вы слышали звук взрыва раньше, чем звук выстрела. Это исключительно эффективное оружие было спроектировано в Германии фирмой *Krupp*, но армейские артиллерийские эксперты отвергли его из-за слишком высокой начальной скорости снаряда, поэтому эту пушку продали русским (*автора воспоминаний явно кто-то дезинформировал – ВК*).

В конце марта 1943 года мы переоборудовали наши позиции, чтобы иметь возможность оборонять их со всех направлений. У каждого расчета и штаба батареи теперь был свой блиндаж. Строительство блиндажей в это время года было очень трудным делом, поскольку земля была промерзшей. Часто нам приходилось взрывать ее, и из-за нехватки взрывчатки мы использовали мины. Вокруг всей артиллерийской позиции была пробита траншея с гнездами для 15-миллиметрового зенитного пулемета, который должен был защищать нас со всех сторон. В тот момент времени на фронте было невероятно тихо. Только партизаны доносили нас за линией фронта.

Пропагандисты

Теперь у нас появилось время, чтобы лучше изучить наши пушки и технику. Вдобавок мы обстреливали противника. Активность авиации с обеих сторон была минимальной, не считая появления воздушных разведчиков. Русские пытались получше рассмотреть наши линии с аэростата, пока один из наших истребителей не сбил его. Однажды мы видели, как русские истребители сбивают двухбалочный воздушный разведчик *Focke-Wulf*. На следующий день в сводке Германского Командования заявлено: «Вчера X-количество русских самолетов было сбито без потерь с нашей стороны!» На передовой *Иван* использовал мегафоны, чтобы почти каждый день объявлять нам, что «Сталинград – это массовое захоронение» или призывать нас к дезертирству: «Немецкие солдаты – дезертируйте! Самые красивые женщины Ленинграда ждут вас. Вы будете постоянно заниматься любовью. Берите с собой два котелка, один из них - для пудинга.» Я не знаю ни об одном немецком дезертире, но русские часто перебежали к нам. Эти объявления на передовой делались людьми Зейдлитца – членами *Национального Комитета Свободная Германия*, попавшими в плен в Сталинграде.

Затишье

Я стал передовым наблюдателем в середине 1943 года. Наше отделение управления расформировали, и я потерял свою должность вычислителя. Командиры решили, что принятие во внимание необычных и погодных факторов не нужен легкой артиллерии. Я стал наблюдателем, поскольку наши передовые наблюдатели – несмотря на общее затишье на фронте – понесли тяжелые потери от огня русских снайперов. Иногда артиллеристам приходилось предоставлять одну-другую пушку для антипартизанской борьбы. И здесь у нас были потери. Почти каждую ночь так называемые *швейные машинки*, старые русские бипланы [По-2], пролетали над нами, чтобы сбросить провиант и боеприпасы партизанам, особенно в районе Лепеля.

Из-за действий партизан снабжение фронта было нелегким делом. Большое количество грузов терялось: почта, продовольствие и боеприпасы. Только когда грузы стали доставлять конвоями, которые охраняли бронемшины, ситуация улучшилась. Поскольку лето 1943 года было чудесным, а на фронте было спокойно, мы оборудовали футбольное поле и стали играть с командами других батарей по расписанию. Местность вокруг Усвят была очень ровной. Через наш артиллерийский дальномер мы могли разглядеть большой белый дом – возможно, это был дворец. Еще перед Усвятами было озеро.

В перерывах между боями на передовой устраивали театральные представления и кинопоказы, чтобы развлечь людей. Каждая часть выделяла определенное количество военнослужащих для посещения представлений. Разумеется, при этом боевые расчеты должны были оставаться в состоянии боевой готовности. Русские быстро разузнали об этих представлениях и обстреляли нас во время одного из них из 172-миллиметровки. Мы немедленно выбежали из сарая, где шло представление, так что обошлось без пострадавших. Снаряды угодили прямо в сарай. Танцовщица впала в истерику, и наш

фельдшер, известный своей грубостью, шлепнул бедную девушку по лицу со словами: «Зайди за сарай и помочись досуха!»

Рождественская атака

К концу 1943-го года ситуация на фронте стала более динамичной. Слева и справа от нашего участка русские прорвали нашу оборону, так что в конце октября нам пришлось оставить наши прекрасно оборудованные позиции, не вступив в прямой контакт с противником. Началось выпрямление линии фронта. Новые участки обороны получили красивые названия, такие как *Пантера*, *Тигр* или *Медведь*. Однако теперь эти позиции стали просто укрепленными пунктами обороны. Монолитной, непрерывной линии фронта больше не было. Более того, эти узлы были слишком слабо укомплектованы людьми. Противник теперь мог атаковать нас со всех сторон... Незадолго до Рождества мы заняли позицию к востоку от дороги, идущей от Витебска до Невеля. В канун Рождества русские пошли в атаку. Было очень холодно, бушевала метель. *Иван* прорвался слева и справа от нас, и наша батарея получила приказ оставить позиции как можно быстрее и отойти к новой оборонительной линии, чтобы не оказаться отрезанной.

Мы ждали Рождество и застолье, но вместо этого нам пришлось спешно погрузить все наше снаряжение, дальномер, радиооборудование и пулемет на наши мотосани, которые выглядели как небольшая лодка, и в ускоренном порядке тронуться на восток. К полуночи наша четверка сидела под открытым небом и пела рождественскую песенку *O Du Froehliche*. Мы добрались до наших линий в день Рождества, и – что за чудо – нам даже предоставили блиндаж, в котором мы разместились еще с шестью пехотинцами. Мы, артиллерийские наблюдатели, были встречены очень дружелюбно, поскольку у нас были автоматы и 15-мм пулемет. Еще у нас были ручные и противотанковые гранаты. Предполагалось, что мы будем удерживать эту позицию, думаю, это был пункт *Пантера*, любой ценой, поскольку он закрывал выход к дороге Невель-Городок-Витебск.

Отражение атаки русских

В начале января 1944 года русские атаковали почти каждый день без особого успеха. Наша батарея и передовые наблюдатели были перемещены к северо-востоку от Витебска, в излучину реки [Западная] Двина. Наш наблюдательный пункт разместился на лысом бугре – это было идеальное место, чтобы держать оборону. Бугор был метров шесть в высоту и имел крутые склоны, на которые едва ли смогли бы въехать танки. Он был сложен известняком, таким твердым, что наши окопчики получились всего метр в длину и полметра в глубину.

Днем мы могли двигаться по ним только согнувшись, почти ползком. Позиции противника были всего в 150 метрах от нас, а русские снайперы были чертовски меткими: за несколько дней мы потеряли трех человек убитыми. Чтобы понять, что происходит, мы использовали зеркала. Стоило поднять над окопом каску на палке, как через минуту русский снайпер делал в ней дырку. Выполнять наши задачи было нелегко, так как подобного рода наблюдательный пункт имел всего четырех человек, а поскольку ночью на охрану выставлялся сдвоенный пост, нам приходилось сменяться каждые два часа. Днем было полегче, поскольку на охранном посту был только один человек, и мы сменялись каждые шесть часов. Несколько попыток русских взять штурмом наш участок обороны не увенчались успехом. Мы удерживали ее силами наблюдателей на передовых постах и десяти пехотинцев. 4 апреля 1944 года ударная группа русских прорвалась к нашему наблюдательному пункту, когда я был на нем совсем один! Однако я сумел отбить эту атаку с помощью ручных гранат и ручного пулемета. Солдаты и трое моих товарищей-

наблюдателей пробились ко мне и выручили меня. Точный огонь нашей батареи нанес русским серьезные потери. Только напротив нашей позиции осталось три трупа. Мы все получили *Железные Кресты 2-го класса*, и в наши личные дела записал один день, проведенный в ближнем бою. Наш комбат, майор Майеркорт, посетил нас через несколько дней и угостил большой бутылкой водки и сигаретами. В целом, водка играла большую роль в нашей жизни в то время. Мы получали каждый день по кружке водки и четверти литра шнапса. В ту зиму питание стало получше, когда конвои снабжения стали доходить до нас.

Я помню, что видел пилота *Штуки* Руделя за работой. Когда ситуация становилась напряженной, мы вызывали *Штуки*, потому что не могли остановить русские танки нашими 75-миллиметровками. Эти танки были слишком хорошо бронированы. Мы могли использовать специальные бронебойные заряды, которые помещались близ выхода из ствола, но они были неточными, поэтому мы вызывали *Штуки*. Рудель заходил на танки сзади, где броня над мотором была тонкой. Затем он обстреливал их из пушек. Поскольку *Штуки* были очень медленными, его всегда прикрывали два *Me-109*. Мы всегда с облегчением смотрели на то, как приближается самолет с пушками, торчащими из крыльев. Эти пушки выглядели как ручки для швабр.

Еще я помню кандидатов в офицеры на фронте. Им полагалось провести определенное количество времени на передовой. Мы называли это *Боевая Подготовка к Железному Кресту*. Поскольку русские постоянно держали нас под обстрелом или высылали вперед разведгруппы, этим кандидатам приходилось добираться до нашего наблюдательного пункта, чтобы вступить в огневой контакт с противником. Побывав в бою, эти парни получали *Железный Крест* и могли вернуться в [офицерскую] школу или пойти еще на какой-нибудь учебный курс.

Один раз случилась атака разведгруппы русских, и с нами был такой кандидат. Он хотел доложить об этом полковнику, но был настолько возбужден и так нервничал, что полковник сказал просто: «Дайте мне рядового Бенца.» Я отпрапоровал – в этом для нас не было ничего нового...

На отдыхе в Гамбурге

В конце января я получил трехнедельный отпуск. Путешествие через тылы было трудным и опасным, и многие солдаты расстались с жизнью на пути домой. Партизаны обстреливали и подрывали поезда. Наш поезд охраняли 20-мм пушка и несколько пулеметов. Мы были счастливы, когда добрались до границы в Вирбаллене (*ныне литовский город Вирбалис – ВК*), где прошли санобработку от вшей и получили каждый по пакету с продуктами (*Führer-Paket*).

Я надеялся на получение новой униформы, поскольку моя совсем износилась и была грязной, а нижнее белье не было в стирке четыре месяца. Однако, поскольку наземные дивизии Люфтваффе теперь были подчинены Армии, ни Люфтваффе, ни Армия не чувствовали себя ответственными за нас. Итак, мне в таком виде в Гамбурге разрешили идти домой. Дом моих родителей был разбомблен, и мне негде было искать себе одежду в этом городе. Только благодаря моей сообразительной сестре я сумел провести отпуск в чистой форме. Она достала мне новую форму и белье в магазине для персонала ПВО. Я отлично провел отпуск в Гамбурге. Моя семья в то время проживала в общежитии Гитлерюгенда, и я был страшно обозлен тем, что мой город лежит в руинах...

Фотография, сделанная Бенцем с наблюдательного поста: цементная фабрика в долине реки Западная Двина

Учебный курс передового наблюдателя

На фронте мы все еще находились на нашей прежней позиции близ долины реки Западная Двина, к северо-востоку от Витебска. Прямо у окраины города мой поезд был обстрелян с двух сторон русской артиллерией. Коридор к Витебску становился все уже и уже, и взятие города русскими в кольцо было только вопросом времени. Я не услышал каких-либо поднимающих настроение новостей, когда вернулся на фронт. Мы понесли существенные потери, особенно среди передовых наблюдателей, и постепенно *истекали кровью*. 3-я и 4-я наземные дивизии Люфтваффе слились в одну и стали называться 4-й Дивизией. Генерал Писториус стал ее командиром. Я вернулся к привычному делу: ведению наблюдений с передового поста. У русских все время появлялись новые идеи, нацеленные на то, чтобы сделать нашу жизнь как можно более невыносимой...

Шел апрель 1944 года, и в это время года уровень воды в Двине еще остается высоким. Как-то я только-только заступил на пост, когда в поле зрения появилась большая баржа, без людей, спускающаяся вниз по течению. Я открыл огонь по ней из пулемета, когда она проплывала мимо, но я не мог нанести ей какой-то ущерб, поэтому я сообщил о ней командиру батареи, и он приказал поставить на огневую позицию у реки пушку. Когда баржа проходила мимо огневой позиции, пушка выпустила снаряд. Баржа взорвалась после прямого попадания. Она была загружена взрывчаткой – русские намеревались с ее помощью подорвать мост через Двину в городе. Взрыв был такой силы, что один из артиллеристов получил ранение.

В мае активизировалась воздушная разведка русских. Стало ясно, что *Иван* планирует наступление. Хотя мы могли видеть рост активности русских, нам не разрешали открывать огонь. Нам нужно было экономить боеприпасы. Наша уязвимая позиция беспокоила нас, поскольку русские, начав наступление, могли быстро затянуть петлю вокруг Витебска. Поэтому я очень обрадовался, когда в конце мая получил приказ отправляться на курсы передовых наблюдателей в Лепеле.

По мне, этот приказ не имел смысла. Они хотели официально сделать из меня передового наблюдателя, но я уже направлял артиллерийский огонь на протяжении нескольких месяцев в качестве помощника наблюдателя, особенно часто после того, как наш передовой наблюдатель фельдфебель Дитманн (Ditmann) был убит. Но получилось так,

что этот абсурдный приказ спас мне жизнь. По дороге на курсы я встретил еще одного парня из Гамбурга, фельдфебеля Петерсена (Petersen), который тоже направлялся туда. Мы с ним подружились на всю жизнь. Большинство слушателей на курсах были унтер-офицерами или фельдфебелями, я был единственным рядовым. 7 июня 1944 года руководитель курса, майор, сообщил нам о высадке союзников во Франции. Он позволил себе довольно смелое высказывание: «Если союзники не будут сброшены в море в течение нескольких дней, война проиграна.» Насколько же он был прав...

В отступлении, под огнем...

Незадолго до окончания курса русские начали наступление. Витебск был быстро окружен. Мы все были переданы в сражающиеся дивизии. Петерсен и я попали в расчет 105-мм гаубицы с окованными железом колесами. У нее не было прицелов, и нам приходилось наводить ее через ствол для стрельбы в упор! Итак, мы двинулись на восток – шестеро человек и пушка – предполагалось, что мы остановим русских...

Фельдфебель Пауль Густлофф (Paul Gustloff), до войны работавший докером в порту Гамбурга, с пулеметом MG-15. Позднее он погиб в бою...

Вскоре мы потеряли контакт с другими частями. Мы не слышали и не видели кого-либо из офицеров, которые вели наш курс. Мы почти не вступали в контакт с противником, так как нас все время оттесняли в сторону поспешно отступавшие войска, особенно часто – тыловые части. Недалеко от Глубокого мы захватили русскую противотанковую пушку с двумя лошадьми и боеприпасами. Ее расчет из двух человек куда-то сбежал. Вероятно, они заблудились и оказались к их собственному и нашему удивлению, в нашем расположении. Теперь нас было шесть человек и две пушки. Расстреляв весь боезапас для 105-миллиметровки, мы взорвали ее, поскольку поступления боеприпасов больше не предвиделось...

Мы двинулись дальше с нашей трофейной пушкой в направлении города Schwentschionen (вероятно, речь идет о городе Швенчёнис в Литве, на границе с Белоруссией – ВК). Там мы передали нашу противотанковую пушку контингенту железнодорожного состава, подвозящего припасы артиллеристам, так как я и Петерсен остались вдвоем. Остальные четверо исчезли во время танковой атаки, когда мы вдвоем прятались в пшеничном поле.

Вслед за этим мы попали в расчет счетверенной 20-миллиметровой зенитной пушки. Эти пушки были установлены на полугусеничные вездеходы и были весьма эффективным оружием. Русские их крепко уважали. Обычно их самолеты атаковали наши колонны прямо вдоль оси их движения, с фронта или с тыла. Когда они понимали, что тут есть 20-

миллиметровки, они атаковали колонны с флангов, что снижало урон, наносимый самолетами.

От Вильнюса мы двинулись на север. Нас постоянно атаковали с воздуха штурмовики *Ил-2*. Даже у 20-миллиметровок были проблемы с ними. Эти самолеты действительно были хороши: не очень быстрые, но отлично защищенные броней. Как-то мы наткнулись на один такой в месте его падения. Просто для развлечения мы постреляли по фонарю кабины, так пули просто отскакивали от него, даже царапин не оставляли. И еще у них были реактивные установки, стреляющие назад. Они сначала атаковали, обстреливая нас из пулеметов, а потом выпускали назад реактивные снаряды. Мы всегда обязательно ждали какое-то время, прежде чем вернуться на дорогу из найденного где-то ядом укрытия...

Латыши (*sic!*, скорее, это были литовцы – *ВК*) были расположены к нам и постоянно предупреждали нас о приближении преследующего нас противника. Фронт полностью рассыпался. Обозы с грузами, остатки рассеянных частей – все это тянулось на запад без каких-либо приказов свыше. Офицеров вообще почти не было видно. Вероятно, они спасались, удирая на машинах. Еда была проблемой: продовольственные склады были сожжены. Однажды, а городе Утена (*Литва* – *ВК*), нам удалось разжиться продуктами перед тем, как склады были взорваны. На отрезке дороги между Вилькомиром (*ныне город Укмерге в Литве* – *ВК*) и Ковно (Каунасом) неожиданно появились два мотоциклиста из полевой жандармерии и стали угрожать отступающим: «Стоп! Кто будет отступать дальше, будет расстрелян!» Когда солдаты продолжили свой марш и недвусмысленно указали на свое оружие, жандармы развернулись и исчезли...

В Каунасе Петерсен и я явились в местных штаб и получили назначение в боевую группу. Ее командир явно страдал «большим горлом» (*выражение, означавшее на солдатском жаргоне желание получить орден на ленточке* – *ВК*) и жадной получить *Рыцарский Крест* любой ценой. Он произнес перед нами зажигательную речь, и его любимыми словами были такими: «Когда подойдет русские, не будьте трусами. Закиньте гранаты им в задницу.»

Каким образом мы остановим врага с его танками, штурмовиками и сотнями пушек, он не сказал. Вообще-то мы были вооружены только карабинами. Позднее, уже в гамбургском госпитале, я прочел в *Der Völkische Beobachter*, что [тот самый] полковник погиб на Восточном фронте и был награжден Рыцарским Крестом посмертно. И представить себе не могу, сколько парней полегло, чтобы это случилось. Пока боевая группа формировалась, Петерсен обратился еще раз в местный штаб и, на самом деле, получил приказ отбыть в нашу резервную часть, дислоцированную в Эльзасе. С соответствующими бумагами мы покинули Россию со следующим поездом, уходящим на запад.

13 июля 1944 года мы пересекли границу после дезинфекции в Вирбалисе. После двух дней путешествия мы добрались до резервной части в Диденхофене (*Diedenhofen, ныне Тьонвиль/Thionville, Франция* – *ВК*). Мой приятель Петерсен был в отпуске, и я был допрошен офицером-военным юристом. Единственное, что я мог сказать ему, это то, что нас бросили собственные офицеры из артиллерийской школы. Больше ничего говорить не пришлось. 2 августа 1944 года я получил 16-дневный отпуск перед новым назначением. Из отступления я пришел с серьезной инфекцией в легких, поэтому меня отправили в госпиталь для резерва в Гамбурге, где я оставался до 11 сентября, после чего получил мой отложенный отпуск.

Ограниченно годный

Тем временем наша резервная часть была переведена в Регенсбург/Regensburg, и я прибыл туда после отпуска. 1 ноября 1944 года я прошел курс фельдфебелей в Ансбахе/Ansbach близ Нюрнберга. Сдав экзамен, я стал кандидатом в фельдфебели. Из-за болезни

меня признали ограниченно годным и перевели в другую часть, где я стал инструктором учебного класса для фельдфебелей, в котором были люди возрастом от 16 до 42 лет. В феврале 1945 года я снова заболел плевритом и был отправлен в госпиталь для резерва в Гамбурге, где пробыл до 3 марта. Союзники, тем временем, переправились через Рейн. Около 15 человек с ограниченной годностью были отправлены обратно в Регенсбург. *Ами (американцы – ВК)* все время продвигались за нами. Когда мы оказались в Регенсбурге, они уже были у ворот города...

Отделение управления 5-й Батареи с командиром – обер-лейтенантом Зауэром (2-й справа). Бенц сидит прямо за ним. Четвертый слева в темном комбинезоне – водитель грузовика. Унтер-офицер – третий слева – держит в руках ворона, которого солдаты поймали и научили что-то произносить...

Нам сказали перегнать 30 почти необъезженных лошадей в Ландшут/Landshut. Только двое или трое из нас раньше сидели в седле. Тронулись. Днем передвигаться было невозможно, так как вражеские штурмовики господствовали в воздухе. Так что мы ехали ночью и были в пути до конца апреля. Мы проехали 100 км до Ландшута по проселочным дорогам, после чего у всех задницы были в мозолях. Раньше это случалось только с моими ногами!

Недолгий плен

Прибыв в гарнизон, мы улеглись и проспали до утра – 1 мая. Проснувшись, мы поняли, что весь гарнизон, включая офицеров, куда-то удрал. Снова нас бросили офицеры. Поскольку у нас не было провианта, мы прошлись по множеству военных складов, оделись в новую форму и сдались в плен американцам.

В тот день я был ранен осколком снаряда танковой пушки. Гарнизон был обстрелян танками, хотя мы подняли белый флаг и не оказывали сопротивления. Американцы погнали нас в печально известный лагерь *Regensburg-Donauwiesen*. На пути в лагерь нас продержали какое-то время в коровнике. Когда фермеры попытались накормить нас картошкой (мы не ели целые сутки), американцы открыли огонь! Мой товарищ был ранен в бедро и умер - истек кровью. Американцы не давали никому помочь нам. Так мы очень быстро познакомились с нашими *освободителями*.

В лагере, где содержалось 100 000 пленных, не стало лучше. Нас почти не кормили – три галеты в день. Но отсутствие питьевой воды было грязным приемом. Несколько раз в

неделю на строили для так называемой поверки. Нас перегоняли из одного лагеря в другой, при этом американцы находились по обе стороны от нас и били бамбуковыми палками. Неделями мы лежали под открытым небом, при этом они отобрали у нас все накладки. Погода, слава Богу, была прекрасной: дождей вообще почти не было. Много людей, особенно постарше, умерли от легочных инфекций.

В начале июня 1945-го прошел слух что нас бут передавать французам, чтобы мы работали на шахтах. То есть, теперь мне нужно было симулировать что-то – я пошел к американскому врачу и сказал, что у меня туберкулез. Американцы очень боялись туберкулеза, и меня быстро освободили! 3 июня черные американцы отвезли нас на полугусеничном грузовике из Регенсбурга в Кассель/Kassel. Мы проехали через Вюрцбург/Würzburg и Гиссен/Giessen. В деревнях, через которые мы проезжали, люди бросали нам куски хлеба. Вечером, неподалеку от Гиссена, нас выкинули из кузова и сказали дальше идти пешком...

Без войны

У меня заняло несколько дней, чтобы добраться до дома моей бабушки, однако пара интересных событий произошла по дороге. Американский патруль остановил меня и спросил документы. Когда они прочли, что у меня легочная болезнь, они немедленно отдали мне бумаги и вытерли пальцы о брюки. Позднее, я проходил мимо бывших эсэсовских казарм, занятых американцами. Какие-то солдаты слышали мои шаги. Я все еще был в подбитых гвоздями сапогах, которые издавали много шума на мостовых. Так они повысовывались из окон, чтобы подразнить меня, выкрикивая *hip – hop – hip – hop* в такт стуку моих сапог...

Я посмотрел на них и прокричал: «Парни, война для меня окончена. Вам придется побыть здесь и поиграть в солдатики еще немного времени!» Можете себе представить, сколько ругани и проклятий на меня высыпалось. В итоге, 5 июня, прямо перед наступлением комендантского часа, я добрался до бабушкиного дома. Война для меня закончилась. Хотя на протяжении нескольких лет я пытался установить контакт с моими приятелями из 3-й и 4-й дивизий, я ничего не добился. Не удалось мне узнать ничего и от их родственников. Все мои товарищи, с которыми я был под Витебском, оказались в списках пропавших без вести...

Оригинальное интервью - Peter D. Fyfe, редакция - Ward Carr

Все фотографии – из коллекции Йоахима Бенца

<https://warfarehistorynetwork.com/daily/wwii/from-the-luftwaffe-joachim-benz-on-the-eastern-front/>

<https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9A%D0%BE%D0%B6%D0%B0%D0%BD%D1%8B%D0%B5%D1%87%D1%83%D0%BB%D0%BA%D0%B8>

Сокращенный перевод – Владимир Крупник

Возврат к главной странице www.warsstory.org

